

**ВЛАДИМИР
ОВЧИНСКИЙ**

МАФИЯ

**НОВЫЕ МИРОВЫЕ
ТЕНДЕНЦИИ**

Коллекция Изборского клуба

Владимир Овчинский

**Мафия. Новые
мировые тенденции**

«Книжный мир»

2016

Овчинский В. С.

Мафия. Новые мировые тенденции / В. С. Овчинский —
«Книжный мир», 2016 — (Коллекция Изборского клуба)

ISBN 978-5-8041-0872-5

В ближайшем будущем нашу планету ждет новая научно-техническая революция, цифровой мир, виртуализация всего и вся – в том числе и организованной преступности. Переход мафии в киберпространство сулит ей невиданный взлет преступных прибылей, сетевая организация международной организованной преступности делает ее практически неуязвимой для «старых» – национальных и офлайновых – органов правопорядка. Мафия замахнулась на самое святое, что есть у человечества – на государство. Боссы преступных синдикатов стремятся не только контролировать глобальный процесс трансформации национального государства в государство-корпорацию, но и заменить последнее мафиозным государством. В каких киберпространствах развернутся в ближайшие годы сражения с мафией? Как это отразится на мировой политике, отдельных государствах и на каждом из нас? Сможет ли мировое сообщество во главе с ООН, Интерполом и Европоллом дать достойный ответ врагам рода человеческого, или мир погрузится в пучину криминального беспредела? Что надо сделать в России, чтобы достойно встретить преступные вызовы грядущего десятилетия? Об этом – в книге доктора юридических наук, генерал-майора В.С. Овчинского.

ISBN 978-5-8041-0872-5

© Овчинский В. С., 2016
© Книжный мир, 2016

Содержание

Вместо предисловия	6
Часть I	14
От традиционного криминала к кибермафии: всеобъемлющие и сбалансированные подходы в целях предупреждения новых и появляющихся форм транснациональной преступности и надлежащего реагирования на них [16]	14
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Владимир Овчинский
Мафия: новые мировые тенденции

© В.С. Овчинский, 2016

© Книжный мир, 2016

Вместо предисловия

О мафии, ее огосударствлении, мафиозном государстве и системной мафиозной модели

С середины 80-х годов прошлого века, работая в системе МВД, я в практическом и научном плане начал анализировать ситуацию, связанную с организованной преступностью. При этом я всегда полагал, что для определения самой организованной преступности нет смысла заново «придумывать велосипед». Целесообразно использовать понятийный аппарат, содержащийся в документах ООН. Как известно, там на многих конгрессах и конференциях выработано *понятие организованной преступности (в разных модификациях) как сложного переплетения противоправных действий, совершаемых преступными формированиями, целью которых является достижение сверхприбылей с использованием коррупции, насилия и запугивания конкурентов и населения.*

При этом я полагаю, что в качестве синонима термина «организованная преступность» в научном плане можно использовать термин «**мафия**» (имея в виду, конечно, не классическую итальянскую мафию, а любые структуры организованной преступности).

Независимо от того, какое определение мы возьмем за основу исследования данного явления, его материальное выражение в любом случае едино – это организованные преступные группы, организации и сообщества. Причем иные устойчивые формирования могут иметь главарей, планировать преступления, распределять роли между соучастниками, но при всем этом не входят в структуру организованной преступности. Здесь важны не количественные, а качественные признаки, присущие в полной мере «мафии». Перекочевав в наш язык, этот термин уже успел стать привычным. Начиная с 1992 г., он используется даже в официальных документах. Не вдаваясь в дискуссию с другими, как зарубежными, так и отечественными исследователями, мы называем мафией *тайные преступные организации, включенные в систему организованной преступности, имеющие коррумпированные связи и ролевой статус в преступной среде или теневой экономике.* Все эти признаки переплетаются между собой и дополняют друг друга.

- Как тайные организации мафия основывается на конспирации, жесткой дисциплине, определенной иерархии, законах «омерты» и «вендетты» (кара за нарушенный обет молчания и кровная месть);
- как преступные организации она может быть универсальной (совершать любые наборы преступлений – от вымогательства до киберпреступлений, от перевозки наркотиков до диверсий и террористических актов) и специализированной (например, ориентированной только на наркобизнес или на похищение и перепродажу автомобилей);
- как элемент системы организованной преступности мафия участвует в процессе рациональной реорганизации преступного мира;
- как организации, имеющие коррумпированные связи, она стремится уменьшить риск судебного преследования, но, подкупая представителей власти и спецслужб, тем самым заставляет их служить себе (по данным милиции и социологов, половина доходов, получаемых преступным путем, идет на подкуп властных структур и правоохранительных органов);
- что касается ролевого статуса в преступной среде, то мафия включена в относительно устойчивую систему взаимоотношений между различными категориями преступников (известно, что в криминальной среде действуют свои неписанные законы, субкультура общения, делятся сферы преступного бизнеса и территории и т. д.); здесь формируется своя идеология с широким набором нравственных, «правовых», эстетических и даже философских идей, оправдывающих преступность;

• роль мафии в теневой экономике проявляется в стимулировании роста дефицита на потребительском рынке, контроле за сферой скрытого производства, закупок и распределения товаров¹.

К концу 90-х годов у меня созрело полное убеждение в том, что *организованная преступность (мафия) стала формой социальной организации жизни во многих странах мира, в т. ч. и в России*. Базируясь на этом убеждении, я солидарен с российскими социологами в том, что организованное преступное сообщество можно рассматривать как новую особую форму социальной организации индивидов, имеющих определенные материальные цели и интересы и объединенных противоправным способом их достижения и удовлетворения.

Но организованная преступность, на мой взгляд, это не только и не столько совокупность различных организованных групп и сообществ, это и форма жизнедеятельности отдельных индивидов, групп лиц, которые моделируют в своем индивидуальном поведении и образе жизни стереотипы поведения и образ жизни преступных сообществ.

Таким образом, в социальную ткань общества вклиниваются как высокоорганизованные преступные сообщества, так и не связанные с ними непосредственно отдельные индивиды или группы индивидов, которые действуют в парадигме этих преступных сообществ.

Такие формы социальной организации жизни в большей мере относятся к архаическим и иерархическим отношениям между членами общества (хотя в последние годы они приобретают все более *сетевой характер*, используя горизонтальные связи). Но, в любом случае, они далеки от отношений общества граждан или гражданского общества.

Если использовать термин «мафия» как синоним понятия «организованная преступность», то можно констатировать, что в современном мире отношения между индивидом и сообществом в большей мере выстраиваются не по типу гражданского общества, а по типу общества мафиозного.

По определению философов, гражданское общество – это тип общества, где сам эпитет «гражданское» означает высшее из доселе известных истории проявление экономической культуры, политической культуры и правовой культуры.

По аналогии с этим определением мафиозное общество – тип общественных отношений, связанный с проявлением субкультуры («воровской культуры»), теневой экономической, политической, антиправовой контркультуры.

Свои особые отношения выстраивает организованная преступность и с государством. Если исходить из концептуального подхода Андрея Фурсова о превращении нации-государства в корпорацию-государство, то следует констатировать, что это превращение подразумевает разные типы взаимоотношений государства и мафии.

Нация-государство предполагает, что организованная преступность (при всех возможных точках соприкосновения) является врагом государства.

Корпорация-государство, учитывая, что принцип ее организации – клан, а цель – приватизация совокупного общественного процесса, включает наиболее крупные и успешные сегменты организованной преступности в клановую структуру и активно использует их в приватизации общественного процесса.

Иными словами, мафия из врага государства (как нации) превращается в элемент государства (как корпорации).

Подобный процесс еще в 1990 г. в коллективной книге (с участием автора) «Постперестройка» был назван *«огосударствлением мафии»*². Под «огосударствлением» мы понимаем такую социально-политическую ситуацию, где государственные структуры отражают интересы

---

¹ См.: Овчинский В.С. Мафия: необъявленный визит. М., 1993; Овчинский В.С. Стратегия борьбы с мафией. М., 1993; Овчинский В.С., Овчинский С.С. Борьба с мафией в России. М., 1993; Основы борьбы с организованной преступностью. Под ред. В.С. Овчинского, В.Е. Эминова, Н.П. Яблокова. М., 1996.

² См.: Постперестройка. М., 1990.

крупных криминально-олигархических кланов, а сами мафиозные структуры и их лидеры участвуют в принятии важнейших политических и экономических решений.

В XXI веке многие социологи, криминологи и журналисты пошли дальше и ввели в обиход термин «*мафиозное государство*», под которым понимается модель государственного управления, при которой коррупция пронизывает все эшелоны государственной власти вплоть до симбиоза между государственным аппаратом и организованной преступностью³.

Часто это понятие используется в идеологических целях в период информационных войн против России и других государств. Но ряд исследователей дали интересные научные трактовки «мафиозного государства» независимо от идеологических пристрастий.

Например, Мойзес Наим в статье «Мафиозные государства: организованная преступность рвется к власти»⁴ пишет, что в период глобального экономического кризиса реальные очертания приобретает новая угроза – мафиозное государство. Преступники по всему земному шару внедряются в правительства в беспрецедентных масштабах.

«Наблюдается и обратный процесс: вместо того чтобы ликвидировать мощные банды, некоторые правительства предпочитают брать под контроль их противозаконную деятельность.

Правительственные чиновники мафиозных государств заняты обогащением себя, своих семей и друзей путем эксплуатации денежных потоков, физических ресурсов, политического влияния и глобальных связей с криминальными синдикатами ради укрепления и расширения собственной власти. И действительно, руководящие посты в некоторых наиболее прибыльных нелегальных предприятиях в мире заполняются уже не только профессиональными преступниками – их занимают высшие государственные чины, законодатели, руководители спецслужб, главы полицейских управлений, армейские чины и, в самых крайних случаях, даже главы государств и члены их семейств»⁵.

По мнению Мойзеса Наима, сущность организованной преступности за последние два десятилетия претерпела столь разительные перемены, что криминальные сети вышли за пределы своих традиционных рынков и начали пользоваться всеми преимуществами политических и экономических изменений, поставив себе на службу новые технологии.

Сегодня во многих странах преступники вовсе не утруждают себя подпольной деятельностью, да и к маргиналам они ни в малейшей мере не относятся. В реальности предположительные лидеры многих преступных сообществ стали своеобразными знаменитостями. Зажиточные лица с сомнительным прошлым в бизнесе превратились в желанных всеми филантропов и установили контроль над радиостанциями и телеканалами, стали владельцами влиятельных газет.

Накопление преступниками богатства и власти, пишет Мойзес Наим, зависит теперь не только от их собственной нелегальной деятельности, но и от действий среднестатистических членов общества. Например, миллионы граждан заняты в китайской индустрии контрафактной продукции и афганской наркоторговле. От них не отстают миллионы жителей Запада, регулярно курящие марихуану, сотни тысяч мигрантов, каждый год нанимающие преступников, чтобы те нелегально доставили их в Европу, и преуспевающие профессионалы из Манхэттена и Милана, предоставляющие рабочие места нянь и уборщиков нелегальным иммигрантам. Именно такие рядовые граждане и превратились в неотъемлемую часть *криминальной экосистемы*.

Трудно не согласиться с Мойзесом Наимом и в том, что современные правоохранительные органы пока еще не могут состязаться с преступными организациями – те не только богаты,

---

³ Measuring the Mafia-State Menace / Foreign Affairs (<http://www.foreignaffairs.com/articles/137692/peter-andreas-moisese-naim/measuring-the-mafia-state-menace>).

⁴ Foreign Affairs, № 3, 2012.

⁵ Там же.

жестки и безжалостны, но и пользуются огромным преимуществом в виде безоговорочной поддержки со стороны национальных правительств, дипломатов, судей, спецслужб, генералов, шефов полиции. Мафиозные государства могут позволить себе лучших юристов и экономистов, а также доступ к самым продвинутым технологиям. Страдающие от недофинансирования правоохранительные ведомства, заваленные по уши работой суды и неповоротливый бюрократический аппарат все чаще просто не успевают за столь щедро финансируемым и маневренным заклятым врагом.

«Мафиозные государства сводят воедино скорость и гибкость транснациональных криминальных сетей и юридическую защиту и дипломатические привилегии, по определению дарованные только государству, создавая в итоге некий *гибрид интернациональной структуры*, против которой в арсеналах национальных правоохранительных органов практически нет средств»⁶.

В рамках XVI Апрельской международной научной конференции, проходящей в Высшей школе экономики (2015 г.), венгерским политологом Балинтом Мадьяр была прочитана лекция «Посткоммунистические государства на примере Венгрии», которая практически полностью была посвящена теории «мафиозного государства»⁷.

Балинт Мадьяр полагает, что термин «мафиозное государство» не является публицистическим и не наделен какой-либо эмоционально-оценочной окраской; его выбор обусловлен тем, что он позволяет емко охарактеризовать основные черты правящей элиты, особенности ее организации и иерархии.

Характеристики этой относительно небольшой верхушки нового авторитарного общества и обуславливают принципиальное отличие мафиозного государства от аналогичных режимов, где элита наделена авторитарной властью. Прежде всего стоит упомянуть, что в основе системы – что свойственно любой мафии – совместные предприятия, создателями которых являются собственно члены «семьи», а также другие представители политической элиты, принятые в «семью» благодаря существующей системе взаимоотношений. Членов организации соединяют кровные и партнерские узы, охватывающие большее и большее число «семей», управляемых одним главой, который подчиняет себе пирамидальную иерархию власти. В мафиозном государстве (преступной элите) под контролем главы «семьи» оказывается вся страна. Управление осуществляется под прикрытием демократических институтов путем обретения власти и постоянного поиска новых средств для ее укрепления.

В мафиозном государстве имеет место одновременная концентрация политической власти и экономического благосостояния. Эти два понятия находятся в неразрывной связке. Далее ротация политических и экономических элит происходит не на демократической основе или вследствие рыночных механизмов, но является управляемым процессом, в котором ключевую роль занимает место того или иного человека в созданной иерархии правящей «семьи». В силу такого прошлого новые владельцы предприятий становятся не бизнесменами в деловом смысле слова, но сборщиками налогов для «семьи». Общее благо становится подчинено частным интересам на постоянной основе.

Реальные задачи социальной и экономической политики остаются в тени, и решения принимаются на основе других соображений, например, отмывания денег. Точно так же, как и реальная мафия, мафиозное государство стремится ликвидировать бытовую, неподконтрольную «семье» коррупцию, и заменить ее централизованным и формально законным механизмом перераспределения средств.

Точно так же незаконное «принуждение к сотрудничеству» заменяется на формально законные государственные требования, целью которых является закрепление благосостояния

---

⁶ Там же.

⁷ Мафиозное государство: «отец семьи», полигархи и все остальные / <https://lenta.ru/articles/2015/04/12/mafiaestate/>.

политической семьи, находящейся у власти. В то время как классическая мафия опирается на шантаж, угрозы, а иногда и физическое насилие, в мафиозном государстве сферы интересов могут корректироваться *псевдозаконным государственным принуждением*»⁸.

«С точки зрения социальных структур мафиозное государство создает систему патерналистско-клиентских отношений, которые строятся в иерархичной форме, с главой «семьи», находящимся на вершине пирамиды. Под прикрытием государственных институтов демократическое общество с его множеством слабых горизонтальных связей заменяется на иерархичное общество с низким числом прочных социальных связей. Отношения «патрон-клиент» ведут в перспективе к уничтожению автономии индивида и появлению цепочки зависимостей, особенно в политической сфере»⁹.

Еще одно оригинальное объяснение современной организованной преступности дает Антонио Де Бонис. Он полагает, что современный мир порождает преступные сообщества качественно нового типа – *системную мафиозную модель*. Мафия опирается на ресурсы государства и капиталистической экономики, оставляя за собой право на насилие¹⁰.

Отсталость экономики и слабость государственных институтов, по мнению Антонио Де Бонис, – питательная среда для появления и развития мафии. Сама мафия вполне может опираться на передовые способы управления, комбинируя горизонтальные и вертикальные схемы, но при этом загоняя государство и общество в еще более периферийное положение.

Демократизация сама по себе не является гарантией уничтожения мафии. Организованная преступность успешно использует как демократические, так и авторитарные институты для отстаивания своих интересов. Переход к демократии должен сопровождаться созданием эффективных государственных институтов. Сущностная черта мафии – попытка слияния с государством, использования его властных возможностей, а не борьба с ним.

Корпоративный сектор – важная составляющая современной мафиозной системы. Стратегическая парадигма мафии – переход от преступления или их совокупности к преступной бизнес-модели.

По мнению Антонио Де Бониса, современная эпоха привнесла ряд серьезных новшеств во взаимоотношение государства и мафии. Уровень организации и рационализации преступности существенно вырос, иногда даже обгоняя государство – в силу возможности смешивать вертикальную и горизонтальную систему управления.

Еще более важно то, что организованная преступность, существовавшая веками, переросла в качественно новое явление. Речь о так называемой системной мафиозной модели. Ее суть – в последовательном проникновении в систему экономики и государственного управления при сохранении собственных инструментов насилия. Современная мафия невозможна без государства и капиталистической экономики. Она использует их возможности в своих интересах¹¹.

Зарубежные исследователи еще в начале 80-х годов пришли к выводу, что криминальная экспансия охватывает все сферы цивилизации, что международная, транснациональная преступность всегда политизирована, имеет свои модели решения противоречий, возникающих как внутри отдельных стран, так и в межгосударственных отношениях, выступает «спонсором» отдельных типов социально-экономических реформ.

---

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Мафия, государство и капиталистическая экономика: конкуренция или конвергенция? 12.11.2015. Россия в глобальной политике / <http://www.globalaffairs.ru/valday/Mafiya-gosudarstvo-i-kapitalisticheskay-ekonomika-konkurenciya-ili-konvergentciya-17804>.

¹¹ Там же.

Начало XXI века было ознаменовано принятием *Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности*¹². В следующем году созданная в 2004 г. в рамках ООН. Группа высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам назвала транснациональную организованную преступность одним из «шести блоков угроз, которыми мир должен заниматься сейчас и в предстоящие десятилетия». В феврале 2010 года Совет Безопасности ООН отметил «с озабоченностью серьезные угрозы, создаваемые в некоторых случаях незаконным оборотом наркотиков и транснациональной организованной преступностью для международной безопасности в различных районах мира» и предложил Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций «рассматривать эти угрозы в качестве одного из факторов в стратегии предотвращения конфликтов и при анализе конфликтов и оценке и планировании комплексных миссий». Пресечение деятельности организованной преступности превратилось, таким образом, в приоритетный вопрос международной важности.

В список, причем не исчерпывающий, связанных с организованной преступностью проблем, которые предстоит решать, несомненно, входят торговля людьми, незаконный ввоз мигрантов, незаконный оборот наркотиков, незаконный оборот оружия, незаконный оборот природных ресурсов, незаконная торговля контрафактной продукцией, морское пиратство и киберпреступность.

В документах ООН неоднократно отмечалось, что борьба с организованной преступностью осложняется тем, что сама природа организованной преступности постоянно изменяется. Эпидемии наркомании возникают и прекращаются и вновь возникают в новой среде. Потоки торговли людьми и незаконного оборота огнестрельного оружия резко возрастают в районах конфликтов и также резко сокращаются. Конец холодной войны, сокращение числа и снижение остроты гражданских войн, поступательное движение глобализации, глобальный экономический кризис¹³ – все эти факторы оказали непредсказуемое воздействие на организованную преступность.

Мировые тенденции формируются под влиянием глобальных изменений в таких областях, как демография, миграция, урбанизация, конфликты и экономика.

Эксперты ООН считают, что существует общий консенсус в вопросе о том, что в организованной преступности участвуют как высокоструктурированные, так и слабоструктурированные организации, причем, по мнению ряда специалистов, первые проигрывают последним. Согласно приводимым доводам, традиционные иерархически организованные преступные группы в условиях давления со стороны правоохранительных органов выработали «клеточную структуру», аналогичную той, которая наблюдается у террористических групп, и состоящую из небольших сетей, проводящих работу, которую ранее выполняли более жесткие структуры.

Представляется, что эти сети, состоящие из ориентирующихся на рынок отдельных преступников, были сформированы не как ответная реакция со стороны традиционных групп, а всегда существовали в сфере транснационального незаконного оборота, хотя и были менее заметными для правоохранительных органов, уделявших основное внимание проблеме преступности на местном уровне. Здесь, по всей вероятности, можно было бы с наибольшей уверенностью говорить о том, что сами традиционные группы потеряли свое значение по сравнению с рынками, на которых они осуществляют свои операции. По мнению экспертов ООН, в современном мире организованная преступность – это не столько феномен группы отдельных лиц, занимающихся различными видами незаконной деятельности, сколько вопрос группы незаконных видов деятельности, которыми практически занимаются определенные отдельные лица и группы. В случае ареста и изоляции этих отдельных лиц соответствующая деятель-

---

¹² См.: Овчинский В.С. XXI век против мафии. М., 2001.

¹³ См.: Овчинский В.С. Криминология кризиса. М., 2009.

ность продолжается, поскольку по-прежнему остаются незаконный рынок и создаваемые им стимулы.

Эксперты Совета Европы – авторы «Белой книги о транснациональной организованной преступности»¹⁴ выделяют перечень ключевых характеристик современной организованной преступности:

- каждое преступное деяние ложится бременем на общество. Но когда дело доходит до организованной преступности, которая обладает способностью проникать в экономические и социальные ткани общества и представляет собой серьезную угрозу для прав и свобод личности, верховенства права, надежности финансовой системы и демократии, ущерб становится гораздо больше, чем от любых других видов преступлений;

- организованные преступные группы имеют как местное, так и трансграничное измерение, не только в отношении их состава и методов деятельности, но также в отношении деятельности, которую они осуществляют, и ее последствий. Кроме того, эти группы демонстрируют высокую способность к быстрой адаптации своих преступных схем и методов деятельности за счет их гибкости;

- технологические достижения не только способствуют организованной преступности, но также прокладывают путь новым видам преступлений. Например, противодействие в отношении онлайн-мошенничества с целью хищения личных данных (фишинга), банковского мошенничества и кибератак на информационные системы, базы данных и персональные компьютеры стали частью повседневной работы правоохранительных органов¹⁵;

- хотя террористические группы и организованные преступные сообщества имеют разные цели в долгосрочной перспективе, непрерывность их преступных действий зависит от их финансовых возможностей. В частности, незаконный оборот наркотиков выделяется в категорию наркотерроризма из-за высокой финансовой выгоды, которую он приносит;

- организованные преступные группы, как правило, специализируются на предоставлении конкретных услуг, даже если они работают в составе сети. К ним относятся поставка, сокрытие и распространение наркотиков, операции с поддельными документами или вымогательство;

- некоторые организованные преступные группы напоминают преступные предприятия с высокой степенью профессионализма, сложной структурой и людскими ресурсами, тогда как другие очень гибкие и простые;

- с точки зрения преступников, вид товаров, с которым они имеют дело, не имеет столь важного значения. Что их мотивирует, так это способность осуществлять свою деятельность с минимальным риском обнаружения, извлекая при этом максимально возможные прибыли;

- доходы от преступлений, полученных в результате криминальной деятельности, являются основой прочности преступных организаций. Преступные группы проникают в легальную экономику с целью узаконить свои доходы и используют юридических лиц в качестве щита и посредника для осуществления незаконной деятельности. Среди секторов, уязвимых для проникновения организованных преступных групп, – это «ночная жизнь», недвижимость, торговля ювелирными изделиями, пункты обмена валюты, финансовый сектор, туризм, казино, закупки и строительство. Путем реинвестирования незаконной прибыли в законные экономические средства такие группы подрывают законную коммерческую деятельность, противодействуя развитию свободного рынка и справедливой конкуренции;

- преступные группы поддерживаются широким кругом специалистов, например юристов, бухгалтеров, финансовых консультантов, коррумпированных чиновников, судей, полити-

---

¹⁴ См.: Белая книга о транснациональной организованной преступности. М., 2015.

¹⁵ См.: Ларина Е., Овчинский В. Кибервойны в XXI веке. М., 2014.

ков и химиков. Без поддержки этих профессионалов организованная преступность оказалась бы несостоятельна;

- корруппирование властей путем подкупа или покупки услуг государственных должностных лиц является общей чертой деятельности организованной преступности, которая позволяет добиться безнаказанности или проникновения в легальную экономику и общественные институты для осуществления общего незаконного бизнеса: политики, чиновники, сотрудники органов безопасности и разведки, армейские офицеры, менеджеры финансового сектора, юристы, адвокаты, промышленники, банковские работники, журналисты и владельцы средств массовой информации или члены их семей и близкие родственники являются лучшими целями для такой практики. Как правило, это процесс, в котором каждая сторона приглядывает за другой.

В настоящей книге публикуются основные положения рабочих документов XIII Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (апрель 2015 года, Доха), докладов Европола, резолюции ПАСЕ, исследований международных организаций о новых мировых тенденциях и формах проявления организованной преступности – мафии, подготовленные в 2014–2016 годах. Причем основное внимание уделено организованной преступности, связанной с новыми информационными технологиями; формированию мафиозно-террористических государств; влиянию мафии на миграционный кризис в Европе; экологической и фармацевтической мафии.

В. Овчинский, доктор юридических наук

Часть I

Новая организованная преступность

От традиционного криминала к кибермафии: всеобъемлющие и сбалансированные подходы в целях предупреждения новых и появляющихся форм транснациональной преступности и надлежащего реагирования на них¹⁶

Задача предупреждения новых и появляющихся форм организованной преступности и борьбы с ними, а также способность предвидеть процессы изменения преступной деятельности является серьезным вызовом. Еще несколько десятилетий назад мошенничество с кредитными картами было почти немыслимым. За последние несколько лет в результате быстрого технического прогресса, появления новых форм преступности, растущей глобализации и экспоненциального роста мировых рынков открылись сопоставимые по масштабам возможности для активизации противоправной деятельности. Эти возможности стали генератором новых форм ценностей и создания новых каналов связи между правонарушителями и их потенциальными жертвами и снизили для преступников уровень риска быть пойманными с поличным благодаря появлению новых форм анонимности. Широкое использование таких возможностей способствовало не только распространению новых форм преступности, но и активизации тех видов преступности, которые, как считалось, уже в основном ушли в историю. Одним из примеров такого перерождения преступности является современное пиратство.

Выделить новые и появляющиеся формы преступности в отдельную категорию в системе криминологической типологизации зачастую удастся благодаря их соотнесению с похожими видами преступности, такими как киберпреступность, экологическая преступность и пиратство. Однако помимо разработки определений целого ряда различных категорий преступности проблема заключается в том, что необходимо усилить инструментарий статистического анализа, в целях лучшей оценки и описания данной отдельной категории криминологической типологизации путем выявления общих особенностей и различий между подобными новыми формами противоправной деятельности. В этой связи опираться лишь на показатель тенденции преступности или ее динамики как на определяющий фактор при включении этой категории в систему классификации, возможно, недостаточно. Многие новые формы преступности распространяются действительно быстро. Однако за последние годы в некоторых регионах также выросли показатели по ряду других уже давно сложившихся видов противоправной деятельности, в частности по убийствам. Описание новых категорий преступлений требует, скорее всего, учета таких основополагающих признаков преступности, как ее коренные причины и способствующие факторы, способы совершения преступлений, характеристики потерпевших и преступников, степень участия в преступлениях и структура организованных преступных групп.

---

¹⁶ Рабочий документ, представленный Секретариатом XIII Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (Доха, 12–19 апреля 2015 г., A/CONF.222/8) (Извлечение)

Характеристика новых и появляющихся форм преступности

Процесс определения общих знаменателей новых форм преступности наталкивается на целый ряд препятствий. Во-первых, существует *проблема терминологии*. Государства, органы системы ООН и научное сообщество оперируют несколькими близкими по значению терминами и категориями. В контексте ООН к ним относятся такие понятия, как «новые аспекты преступности», «появление политических проблем» и «новые формы и аспекты транснациональной организованной преступности». Каждое из них отражает различные аспекты развития противоправной деятельности. Хотя внимание настоящего документа сосредоточено на понятии «новые и появляющиеся формы преступности», в нем признаются элементы и других связанных с этим понятием категорий. Новые формы преступности могут также считаться «комплексными», например, в тех случаях, когда уголовно-правовые деяния представляют собой взаимосвязанную последовательность событий и/или когда они распределяются среди множества действующих лиц.

Во-вторых, многие новые категории преступлений сами по себе служат зонтиком для целой серии отдельных правонарушений. Так, например, понятие «экологическая преступность» включает в себя такие деяния, которые существуют уже многие десятилетия, в частности браконьерство, а также правонарушения, которые появились лишь в последние годы, в частности преступления, связанные с торговлей квотами на выбросы углерода и управлением водохозяйственной деятельностью. Аналогичным образом, термин «киберпреступность», как правило, включает как правонарушения, объектом которых являются компьютерные системы или компьютерные данные, так и правонарушения, при которых компьютерные системы или компьютерные данные служат средством преступления, как например, большинство форм преступлений, связанных с хищением личных данных.

В-третьих, новые формы преступности отнюдь не распространяются во всех странах с равной быстротой или достигают равной остроты. . . Некоторые формы преступности, как представляется, могут иметь лишь национальное воздействие, прежде чем произойдет их постепенное признание в качестве транснациональной угрозы.

Наконец, новые формы преступности могут не только порождать новые коренные причины, способствующие факторы или приемы для совершения противоправной деятельности, но и могут быть направлены также против новых категорий жертв, которые, возможно, будет труднее выявлять. От киберпреступности, в частности от распространения вредоносных компьютерных программ, может пострадать очень значительное число людей. Системы уголовного правосудия, требующие, чтобы в ходе судебного разбирательства в качестве потерпевшего было предъявлено конкретное лицо, может в этой связи столкнуться с особыми трудностями. . .

Коренные причины и способствующие факторы

Хотя не все новые и появляющиеся формы преступности приводятся в действие одними и теми же социально-экономическими факторами, можно установить целый ряд общих явлений, содействующих распространению преступности, или коренных причин и способствующих факторов. К их числу относятся глобализация; близость нищеты, конфликтов и слабых правоохранительных систем к рынкам высокостоймых товаров; и темпы возникновения новых форм современных технологий и глобальные средства связи.

Благодаря *глобализации* национальные экономики все активнее интегрируются в систему международной экономики через торговлю, инвестиции, потоки капиталов, перемещение людских ресурсов, а также развитие и распространение технологий. Стремительный процесс гло-

бализации может оказывать давление на существующую структуру управления, расширяя роль негосударственных игроков в структуре все усложняющихся межгосударственных связей.

Этот процесс интеграции и экспансии экономик формирует контекст для перерастания некоторых проблем, имевших когда-то преимущественно локальный характер, в глобальные явления. Например, сфера пиратской деятельности, договорных матчей и противоправных тотализаторов выросла до масштабов транснациональной преступности, а такие направления, как морская торговля и спорт превратились в транснациональные многомиллиардные индустрии, привлекающие широкие инвестиции и интерес почти всех мировых экономик.

Глобализация все шире вовлекает в свободный оборот трудовые ресурсы, товары и финансовые потоки, да к тому же ее темпы в ряде случаев опережают индивидуальные и коллективные действия государств-членов по налаживанию регулирования таких перемещений. Например, объектом мер национального регулирования могут быть растущие транснациональные рынки для отдельных видов дикой фауны и флоры, человеческих органов, медицинских препаратов и культурных ценностей, однако на глобальном уровне может ощущаться дефицит общих определений и стандартов для регулирования, равно как и разнонаправленность тенденций в области преступности.

Этот разрыв создает особые возможности для криминала, поскольку правонарушители пользуются «безопасными убежищами» и брешами в регулирующих режимах, для того чтобы извлекать выгоду из стоимостного роста, обусловленного расхождениями в национальных системах контроля за предложением. Таким путем нелегальные или «серые» рынки растут параллельно и внутри легальных рынков. Эти рынки могут отличаться от незаконного оборота, ассоциируемого с рынками с установленным контролем, в частности с теми рынками, которые связаны с наркотиками, в силу того обстоятельства, что часто трудно отделить легальные рынки от нелегальных. На новых транснациональных рынках противоправная деятельность может начинаться у источника, например в ходе запрещенной браконьерской деятельности или хищения культурных ценностей, или в любой последующей точке цепочки предложения, например, в результате утечки товара и или уклонения от налогообложения в процессе экспорта или незаконного предпродажного переклеивания маркировок.

Если незаконно полученные или похищенные товары вновь всплывают на легальных рынках по поддельным документам или в результате коррупции, то отслеживание преступных действий в таком случае может быть чрезвычайно затруднено. Легальный рынок служит эффективным средством сокрытия незаконного происхождения участвующего в обороте продукта. Например, транснациональные преступные сети, занимающиеся незаконным оборотом отдельных видов дикой природы и древесины, а также контрабандой электронных отходов и озоноразрушающих веществ часто используют те же самые маршруты, что и легальные импортеры, но по подложным правоустанавливающим документам, через лазейки в законодательстве или по подлинным документам, приобретенным с помощью подкупа.

Преступные возможности могут и далее расширяться по мере устранения торговых барьеров, создания зон свободной торговли и подписания для этого соответствующих соглашений, а также появления высоких уровней потребительского спроса. Например, высокий спрос на основные медицинские препараты в таких регионах, как Африка, в сочетании с ограниченностью возможностей местных систем здравоохранения и национальных механизмов контроля способствует появлению значительного транснационального рынка торговли контрафактными лекарствами. Недавно проведенная проверка показывала, что 35 процентов лекарств, приобретенных для борьбы с малярией в районе Африки к югу от Сахары и в Юго-Восточной Азии, не прошли тест на химический анализ. Из всех препаратов, не прошедших химический анализ, 36 процентов, относившихся к региону Юго-Восточной Азии, и 20 процентов – к региону Африки, расположенному к югу от Сахары, оказались контрафактом.

Аналогичным образом, незаконный рынок человеческих органов стимулируется в огромной мере благодаря глобальному разрыву между предложением человеческих органов и спросом на них. Это особенно актуально в отношении почек как следствие растущего разрыва между участвовавшими случаями почечной недостаточности и уровнями донорства органов умерших. Что касается предложения таких органов, то нерегулируемое или незаконное изъятие органов часто провоцируется нищетой как социально-экономической первопричиной и усугубляется дефицитом адекватных мер регулирования медицинских услуг. Жертв из числа представителей уязвимых групп могут привлекать незаконные агенты под фальшивыми предложениями и обещаниями, а затем таких доноров просто уговаривают или заставляют продавать свои органы.

Там, где появляются подпольные рынки, они способны быстро переплетаться с местными и транснациональными экономиками. Хотя деятельность морских пиратов у берегов Африканского Рога, например, за последние два года существенно сократилась, но пираты, выбирающие в качестве целей крупные суда международных компаний и действующие на удалении нескольких сот километров от берега, заявляют о том, что за период с апреля 2005 года по декабрь 2012 года их доходы в виде выкупов составили от 339 до 413 млн. долл. США. Было установлено, что эти преступные доходы перетекают не только к самим пиратам и финансирующим их лицам, но и в местные общины.

Еще одной отличительной чертой процессов глобализации является их *неразрывная связь с современными технологиями*. По мере того, как растут и ширятся взаимные связи национальных экономик, развивается процесс интеграции знаний и установления связей, основанных на нерыночных механизмах, в том числе информационного, культурного, идеологического и технологического обмена. Продвигать этот процесс со столь ошеломляющей скоростью продолжает глобальная Интернет-связь... Компьютерные технологии и Интернет стали источником множества социально-экономических выгод. Однако, такие технологии, равно как и другие средства активизации человеческого общения, могут направляться и на цели преступной деятельности, а с ростом глобальных сетей связи неразрывно связано распространение современной киберпреступности. По мере того, как растет киберпространство, все труднее представляется, что компьютерное преступление, а, возможно, и любое другое преступление, происходит без подключения к сети Интернет с помощью соответствующего протокола (IP).

В плане криминогенной перспективы один из основных постулатов состоит в том, что с появлением «киберпространства» формируются новые преступные явления, отличные от тех возможностей, которые напрямую доступны для преступной деятельности через компьютер. Например, некоторые лица в силу своего статуса и положения могут пойти на преступления в киберпространстве, хотя в условиях физического пространства они вряд ли отважились бы на нечто подобное. Возможность использовать гибкую идентичность, анонимность и отсутствие сдерживающего фактора также могут служить побудительными мотивами для преступного поведения в киберпространстве.

В случае киберпреступности правонарушители могут получить доступ к огромному количеству целей путем активного использования онлайн-услуг, таких как банковское обслуживание, шопинг, социальное взаимодействие и обмен файлами, превращающих пользователей в возможные объекты «фишинга» или мошенничества. Те охраняемые меры, которые существуют на самом деле, такие как защитные программные средства и относительно небольшой риск правоохранительных мер, недостаточны для того, чтобы остановить преступника, мотивированного соблазнами значительно обогатиться.

Через глобальную связь расширяется действие фактора, способствующего укреплению преступного сообщества и обмену опытом между теми индивидами, которые в ином случае, возможно, никогда бы и не соединились. «Социализация» уголовных элементов через сети может привести к появлению различных форм криминальных «контактов» и установлению

связей между преступными группировками. Например, онлайн-форумы «кардеров» содействуют обмену данными о похищенных кредитных картах. Места проведения онлайн-законных рынков, а также связанные с ними онлайн-дискуссионные советы обеспечивают проведение форумов не только с целью продажи полученных преступным путем товаров, но обмена информацией о поддержании режима анонимности и ухода от внимания правоохранительных органов.

В вопросах сексуального надругательства и сексуальной эксплуатации детей сеть Интернет предлагает сейчас правонарушителям беспрецедентный доступ к социальным сетям для оправдания своих поступков. Если в доцифровую эпоху правонарушители, открыто осмелившиеся обсуждать тему сексуального надругательства над детьми, подверглись бы остракизму со стороны большинства членов общества, теперь же возникли онлайн-сообщества, целью которых является нормализация отношений и создание ложного представления о приемлемости преступных деяний для общества. Такая социальная поддержка может быть особенно сильной в силу ее незамедлительного действия и интерактивного характера.

Таким образом, *информационно-коммуникационные технологии способны стимулировать новые и появляющиеся формы преступности по многим направлениям*. С одной стороны они вводят новые объекты криминальных деяний (иначе говоря, лица, предметы или ценности, против которых направлено правонарушение), такие как компьютерные данные и компьютерные системы. С другой стороны, они также привнесли с собой радикальные изменения в характер, уровни и способы совершения преступлений, считающихся устоявшимися.

Например, финансовое мошенничество в потребительской сфере стало транснациональным и обыденным в силу использования пластиковых кредитных и банковских карт для онлайн-платежей. Подстрекательство к насилию и терроризму в глобальных сетях, в том числе через социальные медийные средства, значительно расширяет сферу охвата и влияния террористических групп, ранее считавшихся локальными. Высокие уровни анонимности, предлагаемые системой «даркнет», включая серверную услугу в виде так называемой «*луковой маршрутизации*» (Tor), способны радикально влиять на торговлю запрещенными наркотическими средствами и другой продукцией, поскольку они сводят вместе транснациональных покупателей и продавцов в одном онлайн-рынке, на котором расчеты совершаются анонимно с помощью виртуальных платежных средств, а покупки доставляются почтой.

В этом смысле новые информационные технологии создают для преступлений эффект «*глокализации*» и анонимности, в силу которого имманентные связи между глобальными и локальными процессами приносят в данное локальное пространство новые категории виктимизации. С точки зрения правоохранительной практики, глобальная связь не только влияет на локальную криминальную практику, но и меняет характер взаимоотношений между глобальным и локальным поведением. Технологии анонимизации, такие как Tor, могут стать соблазном для тех правонарушителей, которые раньше могли и не заниматься криминальной деятельностью, а также создавать значительные трудности для правоохранительных органов при выявлении правонарушителей.

Новые способы совершения преступлений

Новые и появляющиеся формы организованной преступности можно также классифицировать путем идентификации не только их коренных причин и способствующих факторов, но и по использованию существующих новых и особых преступных методов. Последние включают изменения в структуре организованных преступных групп и повышение активности взаимодействия между преступниками, а также использование коррупции для оказания содействия совершаемым правонарушениям.

Сегодня появилась гораздо более широкая разновидность организованных преступных групп, действующих в ряде случаев совместно с новыми формами транснациональной преступности. Например, в опубликованном в 2012 году издании УНП ООН *Digest of Organized Crime Cases* была представлена информация о возможном существовании различных по структуре криминальных группировок, в том числе групп, действующих по типу организованных банд, смешанных по составу групп, об участии в преступных операциях приглашаемых членов и о связях между преступными группами и группами террористов или полувоенных формирований, а также о сетях, действующих на основе создаваемых ячеек, и о комплексных сетях. Представление о повышении текучести структурных образований можно составить также на основе событий, происходящих в других регионах, в частности на примере того, как жесткая конкуренция между преступными группами сменяется договоренностями между ними по типу контрактных соглашений, достигаемых с помощью неформальных межличностных связей и общности экономических интересов.

В частности, Интернет предоставляет хорошие возможности для налаживания координации усилий отдельных исполнителей, разбросанных по данному географическому региону, открывая возможности для создания преступных сообществ с целью «концентрации» сил на кратковременном отрезке времени. В киберпреступной среде «черные» рынки, создаваемые для торговли данными о банковских и кредитных картах, характеризуются как социальные сети индивидов, участвующих в организованной преступной деятельности, а не как предприятие одной преступной группы¹⁸. На таких рынках группы и индивиды играют разные, а нередко и множественные, роли, в том числе роли программистов, распространителей информации, технических экспертов, хакеров, мошенников, провайдеров услуг в режиме онлайн, кассиров, курьеров для перевозки денег и лидеров.

Вместо того чтобы полагаться на установленные долговременные сети, преступные группы, участвующие в новых формах преступной деятельности, могут нанимать специалистов для выполнения задач, решение которых недоступно знаниям и навыкам членов существующей группы. Таким путем профессиональная, постоянно развивающаяся, опирающаяся на сервис преступная индустрия стимулирует появление инновационных орудий и методов, применяемых преступниками. Традиционные организованные преступные группы, включая те из них, которые организованы по типу мафии, начинают, например, прибегать к услугам киберпреступного рынка, являющегося по своему характеру сервисной структурой, с тем чтобы подготовиться к реализации технически более сложных преступных схем, покупая доступ к техническому опыту, в котором они нуждаются. Эта тенденция на приобретение черт киберпреступности в рамках более переходной, транзакционной и менее структурированной организационной модели может служить примером того, как в будущем будет осуществляться организация всех серьезных преступлений.

Действительно возросшая способность групп обеспечивать организацию и мобилизацию криминальных ресурсов, а также нанимать специалистов на краткосрочной основе в кратчайший срок ведет к появлению новых взаимосвязей между установившимися и появляющимися формами преступной деятельности. Например, что касается транснационального оборота наркотических средств, то было установлено, как одна преступная группа наняла на двухлетний срок, начиная с середины 2011 года, специальных хакеров для обеспечения оборота запрещенных наркотических средств через один европейский порт. Путем проникновения в компьютерные системы порта с помощью вредоносных компьютерных программ, засланных через электронную почту сотрудников порта, злоумышленники помогли организованной преступной группе получить доступ к информации о месте нахождения и системе охраны контейнеров порта, а также закамouflировать свою противоправную деятельность.

Хотя роль современных технологий в преступной деятельности, несомненно, повышается, тем не менее, использование таких устоявшихся методов, как *подкуп и коррупция*,

по-прежнему придает особый характер способам совершения преступлений, относящихся к новым и появляющимся формам преступности. В частности, незаконный оборот и передвижение через границу нередко осуществляется с помощью подкупа местных должностных лиц. Так, например, при незаконном трансграничном перемещении токсичных или электронных отходов факт коррупции может происходить в момент выдачи уведомлений об отгрузке или сопроводительных документов, когда государство импорта соглашается на отгрузку, или в ряде контрольно-пропускных пунктов на границе.

Оборот человеческих органов во многих случаях зависит от того, удалось ли преступным группам наладить взаимодействие со специалистами в области медицины, готовыми заниматься пересадкой органов или подделывать медицинские сведения в обмен на незаконное вознаграждение. Как представляется, в данном случае ни один из способов совершения преступлений не является доминирующим. Скорее всего, различные формы коррупции могут существовать по всей цепочке донорства и трансплантации органов и действовать по-разному по отношению к живущим и умершим донорам. Коррупция может способствовать преступному замыслу, например, в процессе получения и распределения органов, нерегулируемого или нелегального удаления органов или при трансграничном перемещении реципиентов донорских органов или даже самих органов, предназначенных для пересадки.

В других случаях коррупция может не только оказывать воздействие на новые формы преступности, но и получать от них содействие. Например, в случае преступлений, связанных с использованием личных данных, коррупция может способствовать хищению персональных данных путем активного или пассивного подкупа должностных лиц с целью получения подлинных идентификационных документов, принадлежащих другому лицу, или путем изменения информации для того, чтобы создать или узаконить вымышленное лицо. С другой стороны, преступление, связанное с хищением личных данных, может использоваться в качестве средства, помогающего избежать опознания при коррупционных деяниях. Фальшивые личные данные могут использоваться, например, для того, чтобы воспрепятствовать проведению расследований таких правонарушений, как хищение активов или отмывание доходов от новых и появляющихся форм преступности.

Преобразование факторов, способствующих появлению новых форм преступности, в новые меры противодействия

Хотя глобализация считается, например, одним из стимуляторов новых и появляющихся форм преступности, вместе с тем она предлагает множество возможностей для усиления на транснациональном уровне мер противодействия со стороны правоохранительной системы и системы уголовного правосудия. Так, например, скоростные средства транспорта и связи могут способствовать развитию сетей формального и неформального международного сотрудничества между правоохранительными органами, прокурорами и центральными органами власти. Основными платформами для обмена информацией о появлении новых форм преступности и подготовке кадров по мерам предупреждения и ответного реагирования служат такие новые сети сотрудничества, как Прокурорская сеть стран Центральной Америки по борьбе с организованной преступностью и Сеть центральных органов и органов прокуратуры стран Западной Африки по борьбе с организованной преступностью.

Аналогичным образом, если в процессе появления новых рынков и расширения межрыночных связей могут возникнуть бреши в системе регулирующих режимов и сформироваться подпольные экономики, то одновременное углубление понимания этого процесса поможет созданию особых возможностей для мер противодействия. Так, например, *Международные руководящие принципы принятия мер в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в отношении незаконного оборота культурных ценностей и других, связанных с*

ним преступлений считают важной борьбу с незаконной торговлей культурными ценностями с помощью рыночных мер, таких как введение или улучшение статистического учета ввоза и вывоза культурных ценностей, создание механизмов, позволяющих сообщать о подозрительных сделках или торговых операциях в сети Интернет; введения или разработки инвентарных описей и баз данных по культурным ценностям и поощрение учреждений культуры и частного сектора в отношении сообщений о подозрительном обороте культурных ценностей. Такие инициативы, как разработанная УНП ООН/Всемирной таможенной организацией (ВТО) *Программа по контролю за контейнерными перевозками*, дополнительно призваны минимизировать использование морских контейнеров для незаконного оборота с помощью анализа рисков и характеристики контейнеров, направленного на противодействие незаконному обороту в условиях крупносерийного, высокоинтенсивного грузооборота.

Точно так же и в области технологий современные достижения, которые открывают перед преступниками новые возможности, в свою очередь предлагают и новые средства для ведения расследований. Тот огромный объем информации, которая доступна как на открытых сайтах социальных сетей и чат-форумах или которая хранится на переносных электронных устройствах, таких как смартфоны, и которая может быть изъята правоохранительными органами при проведении специальных операций, служит новым источником данных, а зачастую и важным отправным моментом для проведения следственных действий. Хотя правонарушители смогут использовать такие методы, как шифрование информации, система Тор или анонимные виртуальные платежные средства для проведения незаконных сделок, эти технологии эффективны лишь тогда, когда за ними стоит «человеческий фактор». Многие проводимые правоохранительными органами расследования в конечном итоге завершаются успешно благодаря обнаружению непредумышленно оставленных преступниками улик, указывающих на наличие связей между «анонимной» информацией, ассоциируемой с уголовно-правовыми правонарушениями, и идентифицирующей информацией в виде адресов IP или адресов электронной почты. Правоохранительные органы могут также воспользоваться современными технологиями для гарантированного обмена информацией и упреждающего перехвата данных или для использования технических средств наблюдения с санкции суда или дистанционно управляемых летательных систем при проведении таких операций, как противодействие браконьерству.

Инновационные методологии сбора данных

Эффективность мер, проводимых в отношении любой категории преступлений, в огромной степени зависит от доказательной базы. Это же верно и в отношении новых и появляющихся форм преступности. Однако когда речь идет о новых преступлениях, сложный характер таких преступлений в сочетании с разным набором способов совершения преступлений чрезвычайно затрудняет применение традиционных источников данных, таких как полицейские сводки. *Многие новые формы преступности часто не попадают в поле зрения полиции*, тем самым увеличивая показатель «темной статистики преступлений», и затрудняя полицейской учет, требующий увязки деяний, попавших в поле зрения полиции, с такими явлениями, как новые и появляющиеся формы преступности.

Подходы к восполнению этого пробела могут включать такие меры, как использование той или иной комбинации источников данных, включая политическую статистику, промежуточные показатели, в частности изъятые данные о запрещенных товарах, результаты опросов ключевых осведомителей и пользователей рынков и новые источники информации, такие как системы географической информации и продукты компьютерной безопасности.

Вполне возможно, что в будущих работах такие концепции, как «*большие данные*» и «*информационный выхлоп*» будут представлять собой критически важные информационные источники для отображения характера и масштабов новых форм преступности. Эти концепции

опираются на идею мониторинга информационных моделей, которые генерируются в рабочем порядке, но которые могут меняться в зависимости от необходимости реагирования на некоторые уголовно-правовые события. Например, в области морского пиратства отклонение того или иного судна от запланированного курса, определяемое с помощью географических информационных систем, будут служить одним из ранних свидетельств, указывающих на попытку угона или ограбления. Что касается преступлений против дикой природы и лесных угодий, то изменения в привычных географических схемах кормления или миграции редких и исчезающих видов могут указывать на нарушение запрета на браконьерскую деятельность или операции по установке ловушек на животных. В сфере киберпреступности с помощью данных автоматического реагирования, генерируемых программными средствами обеспечения компьютерной защиты, можно получать информацию о характере и возможных географических источниках компьютерных атак.

В основе всех усилий по сбору данных лежит идея создания эффективного потенциала для статистического учета данных и их анализа, причем в первую очередь на национальном уровне, а затем на региональном и глобальном уровнях. В самом деле, транснациональный характер многих новых преступлений требует, чтобы сбор данных не ограничивался только наиболее затронутыми в этой связи странами. На примере незаконного оборота редких и исчезающих видов дикой природы видно, что хотя основной вред может причиняться в стране происхождения, любые всеобъемлющие и сбалансированные меры противодействия требуют понимания всей цепочки незаконного оборота, характера участвующих в нем рынков и применяемых данными преступными группами способов для совершения преступлений, а также детальных сведений о связанных с ним финансовых потоках во всех задействованных странах, включая страны происхождения, транзита и назначения. Для принятия эффективных мер по предупреждению, перехвату и противодействию для борьбы с новыми формами преступности чрезвычайно важно обеспечить обмен собираемыми данными между всеми участвующими секторами и странами.

Укрепление национального законодательства, международного сотрудничества и правоохранительного потенциала

... Во многих странах новые и появляющиеся формы преступности, возможно, недостаточно охватываются существующим уголовным законодательством, или же во многих случаях они могут быть кодифицированы как противозаконные деяния, но фрагментарно или же могут регулироваться исключительно административным правом. Например, в совместном исследовании по проблеме договорных матчей и незаконной букмекерской деятельности, проведенном УНП ООН и Международным олимпийским комитетом, было установлено, что законодательное регулирование мер борьбы с новыми преступными явлениями может быть достигнуто либо путем применения или адаптации существующих норм права, либо путем принятия новых нормативных актов...

... Что касается национальных подходов к криминализации киберпреступной деятельности, то в рамках *Всеобъемлющего исследования по киберпреступности* было установлено, что для этого используется несколько правовых подходов. Например, в отношении деяний, совершаемых против компьютерных систем и данных, существует тенденция ставить их под запрет в рамках кодификации конкретных правонарушений, таких как неправомерный доступ или неправомерное вмешательство в компьютерные системы или данные, в то время как в отношении деяний, связанных с функционированием компьютерных систем, таких как компьютерные правонарушения, относящиеся к махинациям с личными данными, существует тенденция объявлять их вне закона через правовые нормы об общих правонарушениях...

...На глобальном уровне гармонизация законодательства по предупреждению появляющихся форм преступности и борьбе с ними может быть достигнута несколькими путями. Некоторые конкретные области регулируются посредством международных договоров. Примерами таких договоров, касающихся причинения вреда окружающей среде, являются Конвенция 1973 года о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой уничтожения, и Базельская конвенция 1989 года по контролю за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением. Договорами, касающимися незаконного оборота культурных ценностей, являются Конвенция 1954 года о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта и два протокола к ней, а также Конвенция 1970 года о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности. Однако такие инструменты, возможно, не всегда требуют принятия законодательства по всем аспектам указанного явления. Например, стороны Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения, обязаны в законодательном порядке ввести уголовные наказания в отношении нелегальной трансграничной торговли видами дикой природы, но отнюдь не в отношении внутренней торговли. Стороны Конвенции о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи прав собственности на культурные ценности, обязались «ввести уголовные или административные санкции» в отношении лиц, нарушающих запрет на вывоз культурных ценностей без специального свидетельства на экспорт, а также на ввоз культурных ценностей, похищенных из музея или религиозного и светского исторического памятника или подобного учреждения другого государства-участника, при условии, что имеется документальное подтверждение того, что такие ценности принадлежат данному учреждению. Другие виды преступлений, такие как киберпреступность, подделка лекарственных средств и оборот человеческих органов, не регулируются юридически обязательными международными нормами права, но могут подпадать под действие некоторых региональных международно-правовых документов¹⁷.

В тех случаях, когда юридически обязательных правовых стандартов не существует, гармонизация законодательства все-таки возможна через реализацию ряда мер, включая принятие юридически необязательных руководящих принципов, стандартов, рекомендаций или типовых законов, а также путем установления примеров оптимальной законодательной практики и оказания технической помощи. Так, например, в Международных руководящих принципах принятия мер в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в отношении незаконного оборота культурных ценностей и других, связанных с ними преступлений предусматривается, что государствам следует рассмотреть вопрос о кодификации в качестве серьезных правонарушений целый ряд конкретных деяний, включая незаконный оборот культурных ценностей, хищение культурных ценностей и разграбление археологических и культурных памятников. В рамках своих усилий по борьбе с незаконным оборотом поддельных лекарственных препаратов УНП ООН приступило к разработке типовых законодательных положений. Аналогичным образом, разработка типового законодательства по преступлениям с использованием личных данных могла бы дополнительно помочь тем государствам-членам, которые хотели бы руководствоваться сводом типовых положений при подготовке эффективных мер противодействия.

¹⁷ См., например, Конвенцию Совета Европы против торговли человеческими органами, Конвенцию Совета Европы о манипуляции спортивных соревнований и Конвенцию Совета Европы по борьбе с преступлениями в киберпространстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.